

XVI

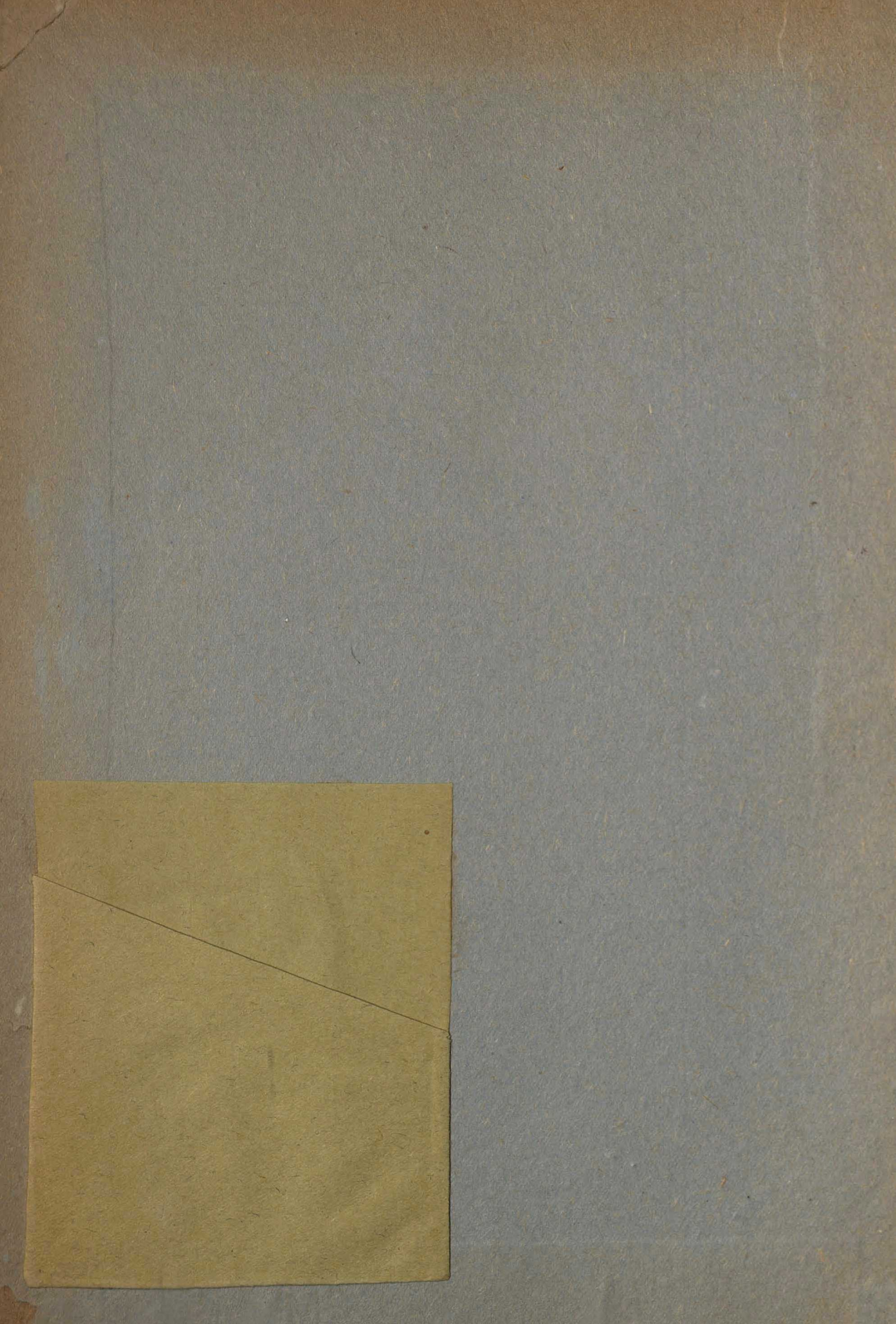
45

10

r. 7

1914

N 13-24

XVI 45
10

Годъ изданія седьмой.

М А Й.

№ 13.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

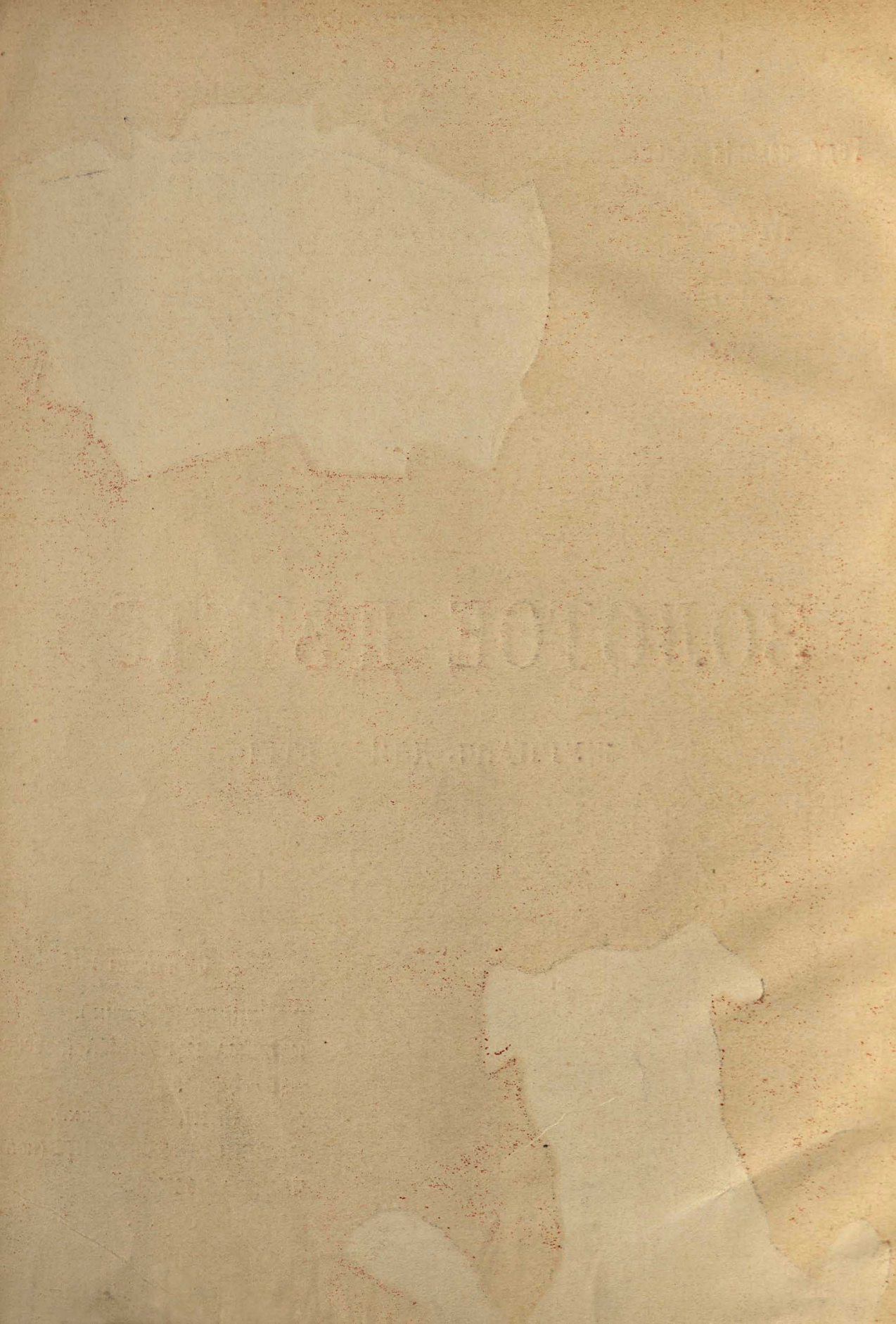
ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ДЕРЕВНѢ (стих.).
КУТЬКА И ПУЛЬКА (разсказъ
собаки),
МНѢ СНИЛОСЬ (стих.).
МАЛЕНЬКІЙ УГЛЕКОПЪ (повѣс-
тья-то ЧУЖАЯ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

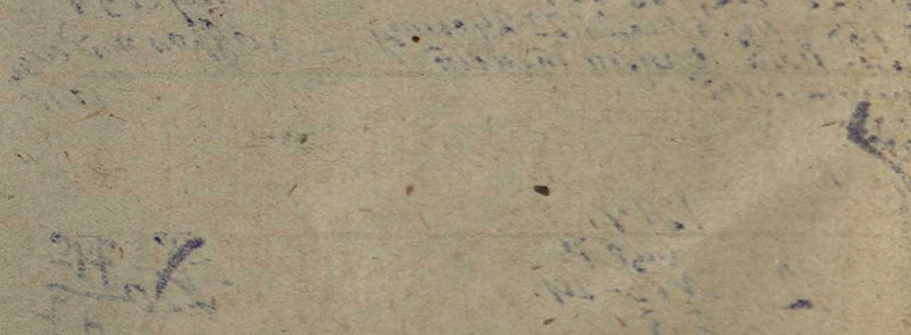

стр. 429-432, 663-664
 765-768 стр. 16, 21, 23-24 сверху
 Книжка имеет
 илл. 1 лл. срезки текста

5 а/д/сеза
 25 стр вид сверху

~~214
 14 шес~~

Печать листов	Выпуск 12	В переплетн. едн. соедн. №№ вып 1914	Табли	Карт	Иллюстр.	Служебн. № 179	Наклад и списка	120 47
------------------	--------------	--	-------	------	----------	----------------------	--------------------	-----------

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Первая зелень.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Какъ я люблю свои березы,
Свои лѣса, свои луга,
И ночи лѣтнія, и грозы,
И зиму съ стужей и снѣга!

Люблю я рѣчки серебристой
Хрустально-нѣжный разговоръ,
И травки бархатной, душистой
Съ цвѣтами скромными коверъ.

Люблю я мирныя картины
Своихъ полей, своихъ лѣсовъ,
Люблю мычаніе скотины
И звуки птичьихъ голосовъ.

Я не разстанусь съ этимъ раемъ,
Люблю я эту красоту
И городъ съ пылью и трамваемъ
Имъ ни за что не предпочту.

Ирисъ.

КУТЬКА и ПУЛЬКА.

(Записки собаки).

Я — большая рыжая дворовая собака. Зовутъ меня Кутькой. Когда я была еще щенкомъ, то была очень похожа на шарикъ и всѣ думали, что изъ меня вырастетъ маленькій песикъ, но не прошло и полугода, какъ я стала большой собакой. Я стерегу дворъ и очень дружна съ другой нашей собачкой Пулькой, которая живетъ у барышни Маруси въ комнатахъ.

Исторія моей дружбы съ Пулькой очень интересна.

Я была еще совсѣмъ маленькой, когда меня принесли къ Марусѣ. Кто-то подкинулъ меня къ ней въ

садъ, чтобы я издохла, но меня нашель садовникъ и понесъ меня прямо въ домъ.

— Это барышнѣ, сказалъ онъ. — Барышня любитъ щенятъ...

Вошла Маруся, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, и, увидавши меня, взвизгнула отъ радости. Она тотчасъ же понесла меня къ себѣ въ дѣтскую и стала поить меня изъ блюдечка молокомъ.

— Какой славненькій!.. сказала она.

Я обрадовалась ѣдѣ и ласкѣ и такъ сразу наѣлась, что стала похожа на барабанъ.

Когда я ѣла, то въ комнату вѣжала другая собака—но старше. Это была Пулька. Она подошла ко мнѣ, недовѣрчиво обнюхала меня и по собачьи сказала:

— Это еще что за дрянь?

Я принадлежала къ очень крупной породѣ дворовыхъ собакъ, а извѣстно, что щенки отъ крупныхъ собакъ всегда слабѣе, чѣмъ щенки отъ мелкихъ. Поэтому, не смотря на свой сравнительно крупный ростъ, я была еще глупа, какъ грудной младенецъ. И вотъ, когда Маруся взяла затѣмъ меня и положила къ себѣ на колѣни, то Пулька оскалила на меня зубы и тоже стала тереться у ногъ своей госпожи. Но Маруся перестала уже обращать на нее вниманіе. Весь день она провозилась со мной, то кормила меня, то укладывала спать, и все время Пулька вертѣлась у ея ногъ и скулила.

— Да отвяжись ты, Пулька! крикнула на нее Маруся.—Ты мнѣ надоѣла! Поди прочь!

Пулька ушла, но я почувствовала, какъ съ каждой минутой она становилась все злѣе и злѣе. Къ вечеру она стала угрюмой. Ревность овладѣла ея сердцемъ.

Маруся проносила меня на рукахъ до самаго вечера. Когда позвали къ вечернему чаю и она стала его пить, то я все время лежала у нея на колѣняхъ. Пулька уже привыкла стоять около нея, когда она ѣла, и всякій разъ тяф-

кала, прося ее бросить ей то косточку, то кусочекъ хлѣбца. Теперь же Пулька такъ обидѣлась, что вовсе не подошла къ своей госпожѣ. Это удивило Марусю.

— Пулька! Пулька! позвала она.—Гдѣ ты? Иди сюда.

И она бросила ей кусочекъ колбасы.

Но Пулька даже и не пошевельнулась. Она была очень обижена и даже не повиляла ей хвостомъ.

— Ну, какъ знаешь! сказала Маруся.—Не хочешь, такъ и не надо!

Теперь для меня было ясно, что Пулька возненавидѣла меня всей душой.

Но я должна сказать два слова о Пулкѣ, чтобы яснѣе было дальнѣйшее. Я узнала это впоследствии.

Пулька была на два года старше меня. Она пріѣхала въ усадьбу изъ города вмѣстѣ съ господами. Когда она была маленькой, то вмѣстѣ съ ея братьями и сестрами ее хотѣли утопить въ поганомъ ведрѣ, но пожалѣли и выбросили на улицу. Я не знаю, какая судьба постигла ея братьевъ и сестеръ, но только сама Пулька какимъ-то чудомъ уцѣлѣла и подросла прямо на улицѣ и даже стала бѣгать за прохожими. Маруся шла изъ гимназіи домой, когда Пулька, вся мокрая отъ дождя, побѣжала за ней, и не от-

ставала отъ нея до тѣхъ поръ, пока она не дошла до дома. вмѣстѣ съ ней она вбѣжала въ комнаты. Завидѣвъ ее, всѣ стали ее гнать, но Маруся любила животныхъ и стала упрашивать своего отца, чтобы онъ разрѣшилъ ей оставить Пульку совсѣмъ. Она была любимица отца и онъ не могъ отказать ей ни въ чемъ. Съ этого дня Пулька стала собственной собакой Маруси. Она спала въ ея комнатѣ, слушалась только ея одной и знала, что когда кто-нибудь ее побьетъ или наступитъ ей на хвостъ, то Маруся всегда за нее заступится. Во время обѣда Пулька всегда старалась неотступно смотрѣть въ глаза именно ей, а это у насъ, собакъ, означаетъ высшую преданность. Изъ уваженія къ Марусѣ Пулька могла-бы укусить за ногу даже такого страшнаго человѣка, какъ дворникъ съ метлой. Она всегда сопровождала ее повсюду и во всемъ мѣрѣ не было собаки, которая гордилась бы своей госпожей такъ, какъ Пулька. Я сама слышала, какъ отецъ Маруси однажды сказалъ:

— Съ Пулькой я могу отпустить Марусю одну куда угодно.

И вдругъ появилась я, на которую Маруся обратила такое вниманіе! Конечно, это должно было смутить покой бѣдной Пульки. И она прошла мимо меня, оскалила на меня свои бѣлые зубы и проворчала:

— Хорошо-же! Ты узнаешь меня! Я тебѣ отплачу!

Это случилось на другой-же день. Свѣтило яркое солнце и было тихо и тепло. Я бѣгала по саду около дома и радовалась той радостью жизни, на которую способны одни только дѣти и больше никто. Я играла сама съ собою и, какъ шарикъ, каталась взадъ и впередъ по травѣ. И вдругъ ко мнѣ подбѣжала Пулька и оскалила на меня зубы. Я испугалась и прижалась къ травѣ. Тогда она схватила меня за горло и больно укусила.

— Такъ тебѣ и надо! сказала она. — Теперь ты будешь знать, какъ отбивать у меня госпожу!

Кровь фонтаномъ прыснула у меня изъ шеи. Голова у меня закружилась. Я стала жалобно визжать. А затѣмъ въ моихъ глазахъ помутилось все и я стала терять сознаніе. Повидимому, Пулька не ожидала, что такъ случится, и испугалась не на шутку и сама, потому что тотчасъ-же засуетилась около меня и стала меня лизать и скулить. Я слышала, точно сквозь сонъ, какъ она надо мной причитала:

— Щеночекъ, миленькій, что съ тобой? Вѣдь я пошутила! Ну, очнись-же! Вставай!.. Я не хотѣла тебя такъ больно укусить!

А далѣе я не помнила уже ничего. Когда я пришла въ себя, то увидѣла себя въ кухнѣ надъ плитой. Кухарка держала меня

надъ нею своими большими руками и грѣла. Затѣмъ Маруся подала ей въ чашкѣ воды и она промыла мнѣ рану. Я сразу повеселѣла настолько, что стала сосать у нея палець. Она помазала мнѣ ранку сальцемъ, отъ котораго такъ вкусно пахло, что мнѣ хотѣлось слизать его у себя съ шеи, и спустила меня на полъ.

— Бѣдная Кутька! сказала Маруся.—Ну, ничего, это пройдетъ!

Я узнала впоследствии, что Пулька очень страдала, пока я находилась безъ чувствъ. Вотъ какъ было дѣло. Пулька не отходила отъ меня, все время, пока я лежала на травѣ, и скулила такъ громко, что Маруся слышала ее и вышла изъ дома въ садъ. Завидѣвъ ее, Пулька поджала хвостъ, съ виноватымъ видомъ подошла къ ней и стала лизать ей башмаки.

— Пулька, что съ тобой? спросила ее Маруся.—Ты не похожа сама на себя.

Тогда Пулька схватила ее зубами за край платя и потащила ее ко мнѣ. Я все еще лежала безъ чувствъ на травѣ.

— Она издохла! вскрикнула Маруся.—Она вся въ крови! Ее кто-то ранилъ или раздавилъ!

И, склонившись надо мною, она стала плакать. Около нея тутъ-же стояла бѣдная Пулька и, позабывъ всякую ревность, стала лизать ей руки и жалобно скулить. Тогда Маруся поняла все. Она

схватила меня на руки и побѣжала со мной въ кухню.

— Дарья, сказала она вся въ слезахъ.—Пулька загрызла бѣдную Кутьку... Теперь она издохла.

— Да не можетъ быть! удивилась кухарка и всплеснула руками.

И она принялась приводить меня въ чувство. А дальнѣйшее уже извѣстно.

Маруся тотчасъ-же унесла меня изъ кухни и долго ласкала меня у себя въ дѣтской. Пулька была тутъ-же и плакала.

— Уйди, Пулька! крикнула на нее Маруся.—Ты злая собака! Теперь я тебя не люблю!

Теперь Пулька уже не ревновала. Ей было стыдно своего поступка и она просила только прощенія и больше ничего. Даже тогда, когда за обѣдомъ Маруся бросила ей куриную лапку, она не переставала плакать и грызла ее со слезами на глазахъ.

Пулька спала въ углу въ коридорѣ на грязномъ матрасикѣ, подъ который она иногда прятала изъ жадности недоѣденные куски. Въ тотъ же вечеръ, когда Маруся стала укладывать меня спать у себя въ дѣтской, вдругъ вбѣжала горничная Настя и весело закричала:

— Барышня, барышня, смотрите что дѣлаетъ Пулька!

Мы увидѣли, что Пулька тащила въ зубахъ свой матрасикъ

въ дѣтскую. Она положила его въ уголокъ, потомъ подошла ко мнѣ, взяла меня осторожно зубами за ухо и подвела къ матрасику.

— Ложись! сказала она мнѣ на собачьемъ языкѣ. — Я обидѣла тебя, но это ничего! Постараемся объ этомъ позабыть!

И съ тѣхъ поръ не проходило дня, чтобы кто-нибудь при встрѣчѣ съ Пулькой не покачалъ укоризненно головой и не сказалъ:—

— Ахъ, Пулька, какая ты дрянн! Тебя слѣдовало-бы прогнать со двора!

Или:

— А кто чуть не загрызъ маленькую Кутьку? А? Гдѣ моя плеть? Вотъ я тебя!

И я знаю, что Пулька сторала со стыда. Всякій разъ при этихъ словахъ она ложилась на спину подставляла брюхо говорившему, точно хотѣла этимъ сказать:

— На, бей меня! Пронзи мнѣ грудь и животъ, но только не говори такихъ словъ и, главное, не говори такимъ тономъ, отъ котораго у меня замираетъ сердце, и я готова провалиться сквозь землю...

А мнѣ Пулька говорила:

— Эти упреки заставляютъ меня страдать. Для насъ, собакъ, легче переносить удары, чѣмъ слышать упреки своихъ господъ.

Пулька была честная собака. Правда, подъ вліяніемъ охватившаго ее ревниваго чувства, она

укусила меня чуть не до смерти, но она сознала потомъ свою ошибку и стала относиться ко мнѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ до этого случая. Скажу даже больше. Моя беспомощность и незлобивость побѣдили ее. Если-бы я огрызнулась тогда и въ свою очередь стала-бы ее тоже кусать, то она перенесла-бы это гораздо легче, чѣмъ то, что я была жалкимъ, безропотнымъ младенцемъ. Она полюбила меня, какъ родную сестру, и теперь искала только случая, какъ-бы доказать мнѣ свою любовь и загладить передо мною свою вину.

И случай этотъ скоро представился.

Вскорѣ у насъ въ домѣ стирали бѣлье. Прачешную топили цѣлые два дня, и я удивилась, когда весь дворъ и садъ увѣшали мокрымъ бѣльемъ. Я спрашивала себя, для чего человѣку такъ много одежды, когда мы, собаки, удовлетворяемся одной только шубкой, которая не снимается съ насъ даже и лѣтомъ, въ сильныя жары?

Итакъ, у насъ была большая стирка. Я лежала на травѣ и грѣлась на солнышкѣ, а надо мною трепались на веревкѣ отъ вѣтра дорогія рубашки нашей хозяйки дома — Марусиной мамы. Какъ вдругъ одна изъ рубашекъ сорвалась съ веревки и упала прямо на траву, около меня. Я тотчасъ-же вскочила и подбѣжала къ ней. Мнѣ захотѣлось играть, я

схватила рубашку зубами и съ задоромъ стала трепать ее такъ, что отъ нея полетѣли клочья.

— Что ты дѣлаешь, Кутька? испугалась, сидѣвшая невдалекѣ отъ меня Пулька. — Глупая! Вѣдь за это тебя выдерутъ! Тебѣ до-станется!

Но я ее не слушалась. Мнѣ безумно хотѣлось играть и скоро отъ рубашки съ дорогими кружевами остались одни только лохмотья. Въ довершеніе всего я усѣлась на траву и стала ихъ съ ворчаніемъ глотать.

Пулька и раньше заботилась обо мнѣ, какъ о родной сестрѣ, часто уступала мнѣ свои самые лучшіе куски и даже матрасикъ, на которомъ спала, а теперь она рѣшила искупить передо мной свою вину. Заслышавъ голоса, она вдругъ подбѣжала ко мнѣ и выхватила у меня изжеванную сорочку.

— Сядь смирно и молчи, сказала она мнѣ. — Иначе тебя избьютъ!

Затѣмъ она взяла въ зубы жалкіе остатки отъ рубашки и съ многозначительнымъ видомъ направилась къ тому мѣсту, откуда доносились голоса. Ей хотѣлось, чтобы люди подумали, что это испортила рубашку она и чтобы ее обязательно наказали вмѣсто меня.

И это ей удалось вполнѣ. За-видѣвъ ее, прачка и Дарья ахнули,

всплеснули руками и закричали такъ, точно ихъ кто-то рѣзалъ на части.

— Бейте ее, бейте! закричали онѣ.—Держи ее, держи!

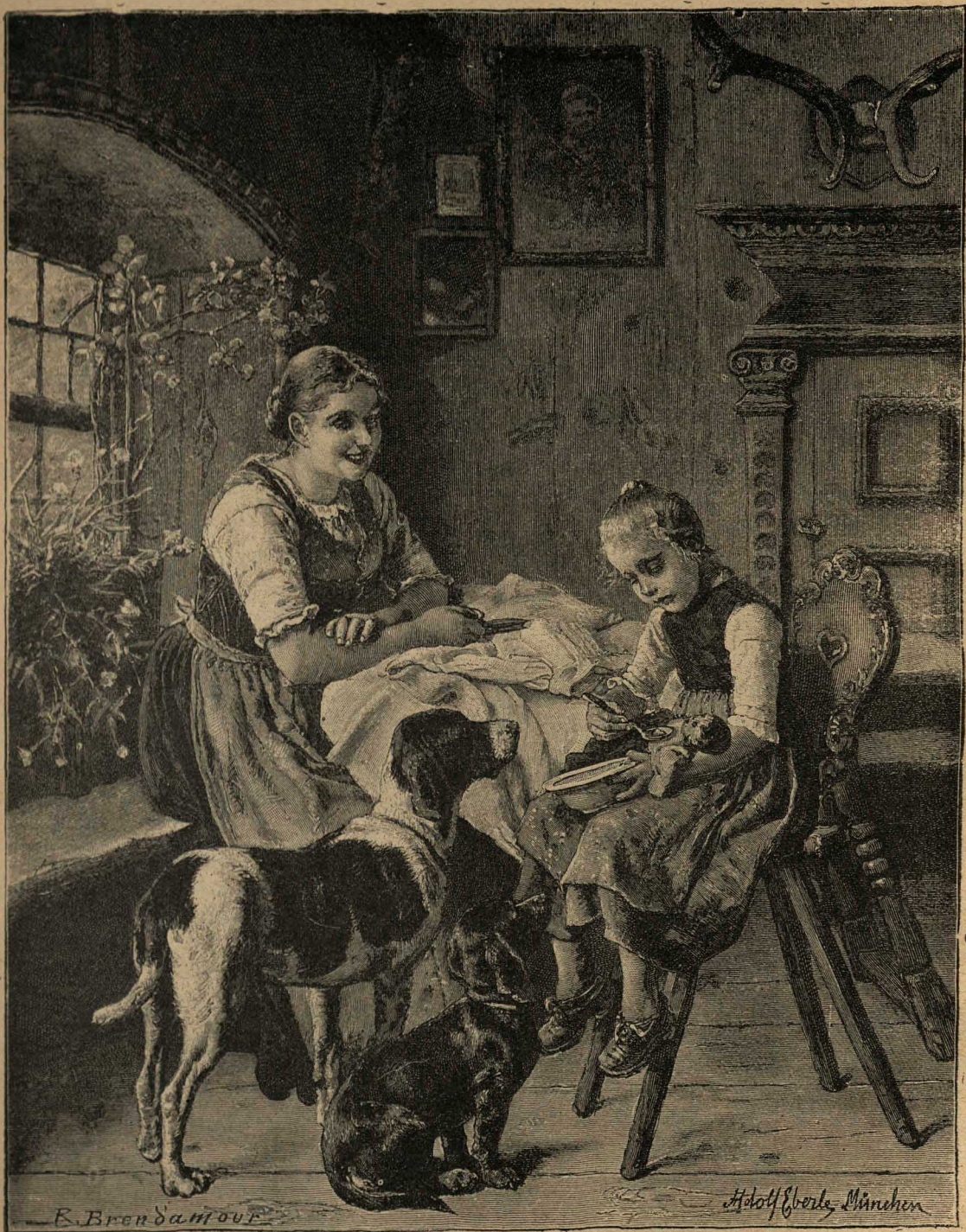
Я испугалась и притаилась подъ кустомъ. Сердце у меня отъ страха забилось. Я видѣла, какъ Дарья подбѣжала къ Пулкѣ, схватила ее за уши и за шиворотъ и стала тыкать ее мордой въ остатки отъ рубашки.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ, негодница! приговаривала она.—Чтобъ ты издохла, проклятая!

Затѣмъ Дарья схватила пруть и стала драть имъ бѣдную Пульку. Я стояла въ ужасѣ около куста и смотрѣла, какъ ее драли. И тогда я поняла, что бѣдная Пулька страдала за меня. Я задрожала всѣмъ своимъ тѣломъ, хотѣла бѣжать къ ней на помощь и не смѣла. Когда же Пульку перестали бить, и она встряхнулась и потрепала ушами и спиной, то я подбѣжала къ ней и стала ее лизать. Затѣмъ мы оба побѣжали въ домъ и забились тамъ въ самый уголокъ подъ диванъ. Мы прижались одна къ другой и стали лизать другъ у дружки языки, А потомъ мы обѣ легли рядомъ на холодный полъ и стали плакать.

— Ску-ску-ску...

Наплакавшись досыта, мы заснули. А когда мы проснулись, то все пережитое горе было уже нами забыто и намъ было такъ весело, что хотѣлось прыгать и къ кому-

В. Врендамовъ

Адольфъ Ебертъ, Мюнхенъ

Завтракъ.

На дачѣ.

нибудь ласкаться. Мы побѣжали къ Марусѣ и стали вертѣться у ея ногъ.

— Вы гдѣ пропадали? спросила она у насъ.—Вотъ я васъ!..

Но мы знали, что она не сдѣлаетъ намъ ничего, и стали подпрыгивать и лизать у нея руки.

Съ тѣхъ поръ я не различаюсь съ Пулькой безъ нужды никогда.

Болѣе близкихъ друзей, какъ я и она,—нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ нигдѣ. И когда она уѣзжаетъ съ господами на зиму въ городъ, то я вижу ее во снѣ, лаю на нее и считаю дни и часы, когда встрѣчусь съ нею опять.

Я люблю лаять на прохожихъ и выть на луну.

Кутька.

МНѢ СНИЛОСЬ...

Далекое дѣтство мнѣ снилось,
Мнѣ снился родительскій домъ,
За книгой отецъ молчаливый
И тихая мать за шитьемъ.

Мнѣ снилось сіянье лампы,
Спаситель въ лучахъ золотыхъ,
И верба за темной божницей,
И темные лики святыхъ.

И снился мнѣ ангелъ лазурный;
Онъ нѣжно склонился ко мнѣ: —
И сердце мое трепетало
И плакали очи во снѣ...

Филаретъ Черновъ.

МАЛЕНЬКІЙ УГЛЕКОПЪ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Трудно описать отчаяніе Мартына Дикаго, Георгія и Кати, когда прошла ночь, затѣмъ наступилъ день и опять пришла ночь, а Миша все еще не возвращался домой.

Георгій рассказалъ, что Миша остался доканчивать какую-то работу и послалъ его домой одного,

но такое объясненіе не удовлетворило никого, и чѣмъ дольше тянулось время, тѣмъ все безпокойнѣе и нервнѣе становилась вся семья. Припомнили, что два послѣдніе дня Миша сверхъ обыкновенія былъ очень молчаливъ, часто задумывался и даже ничего не вѣлъ,—это внушало еще болѣе без-

покойства. Напрасно Георгій набирался храбрости и бродилъ по всеѣмъ галлереймъ, чтобъ отыскать брата,—онъ точно канулъ въ воду. Пронеслась среди рабочихъ въ шахтахъ вѣсть, что Миша исчезъ безслѣдно, но каждый думалъ только о самомъ себѣ, въ тяжкомъ трудѣ было не до другихъ,—и о немъ скоро забыли. Знавшіе Мишу углекопы пожалѣли о немъ и объ его отцѣ,—тѣмъ дѣло и кончилось. Тогда Мартынъ Дикій самъ поднялся съ постели и отправился въ шахты. Онъ умолялъ инспектора обыскать шахты, онѣ были обысканы тотчасъ-же, каждый уголокъ въ нихъ былъ обшаренъ, но все оказалось бесполезнымъ.

Еле волоча ноги отъ слабости и усталости, Мартынъ долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться домой. Съ большими глазами, испуганный, блѣдный, его встрѣтилъ на порогѣ Георгій.

— Ну, что? спросилъ онъ. — Нашли?

Углекопъ со вздохомъ опустилъ голову.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ.

Георгій закрылъ руками лицо и упалъ на солому.

— Миша!.. Миша!.. закричалъ онъ и плечи его стали вздрагивать отъ рыданій.—Ну, гдѣ-же ты? Зачѣмъ ты насъ покинулъ?

Мартынъ оглядѣлся по сторонамъ.

— А гдѣ-же Катя? спросилъ онъ.

Георгій поднялъ голову. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-же Катя? Куда она дѣвалась? Все время пока Мартынъ находился въ шахтахъ и ея не было дома. Какъ онъ этого не замѣтилъ?

И онъ въ тревогѣ вскочилъ на ноги.

— Я не знаю... отвѣтилъ онъ.

Они стали ее ожидать. Но прошла часъ, другой, а она все еще не являлась.

— Этого еще недоставало! сказалъ Мартынъ.—Недостаешь, чтобы теперь пропала еще и она!

И мысль о томъ, что она, глухонѣмая, могла въ волненіи и въ поискахъ за Мишей гдѣ-нибудь заблудиться и потерять дорогу домой, взволновала обоихъ.

— Что-же теперь дѣлать? спросилъ Георгій.

— Подождемъ еще! отвѣтилъ Мартынъ.

Оба опустились на солому и, въ глубокой тишинѣ и не говоря другъ съ другомъ ни слова,—стали ожидать.

Поздно вечеромъ, когда уже свѣтили звѣзды, возвратилась домой Катя. Она была вся въ пыли, отъ усталости еле могла идти и, по видимому, цѣлый день ничего не ѣла. Какъ была, въ платьѣ и въ башмакахъ, изъ которыхъ выглядывали пальцы ногъ, она легла на солому.

— Гдѣ ты была? спросилъ ее знаками Мартынъ.

Она его не поняла.

— Куда ты ходила? повторилъ онъ.

Лицо ея сморщилось отъ слезъ, она не отвѣтила на пальцахъ ничего и отвернулась къ стѣнѣ.

— Ты больна?

Молчаніе.

Мартынъ вышелъ изъ сарайчика и сѣлъ на камень. Былъ тихій лѣтній вечеръ, ярко свѣтили звѣзды и далеко-далеко, должно быть, въ саду у графа Радоцкаго, пѣли соловьи. Тянулъ легкій прохладный вѣтерокъ и обдувалъ горячія щеки Мартына. Было ласково и пріятно даже въ этомъ фабричномъ мѣстѣ, гдѣ всюду подъ ногами хрустѣлъ мелкій каменный уголь, гдѣ отъ слоя черной пыли не видно было даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ травы и гдѣ вдалекѣ фабричныя трубы изрыгали густой дымъ и доменные печи пылали, какъ вулканы. Но это не развлекало Мартына. Душа его была мрачна. Онъ просидѣлъ на камнѣ, подъ открытомъ небомъ, цѣлые два часа, а затѣмъ вернулся къ себѣ въ сарайчикъ. Дѣти уже спали. Никто ничего не вѣлъ съ утра, но объ этомъ даже и не подумали. Мартынъ улегся и самъ и скоро все смѣшалось у него въ мозгу и онъ заснулъ.

Когда онъ проснулся, было уже утро и даже поздно вато. Около него еще спалъ Георгій, но Катя уже не было.

Она опять куда-то скрылась.

— Гдѣ она? спросилъ Мартынъ у Георгія, протиравшаго глаза.

— Она? встревожился мальчикъ.—Развѣ ея опять нѣтъ?.. Не знаю!..

Они встали, поискали ее, а затѣмъ сѣли опять на порожкѣ и долго молчали. Пришла жена Климчака и принесла имъ поѣсть.

— А ваша Катюшка, сказала она,—встала чуть свѣтъ, прибѣжала ко мнѣ, сунула мнѣ этотъ горшокъ съ крупой и стала показывать знаками:—„Свари, дескать, кашу и отнеси имъ безъ меня!“ Это вамъ, стало-быть... Ну, вотъ я и принесла. Ъшьте на доброе здоровье.

— А куда она ушла-то? спросилъ хозяйку Мартынъ.

— А кто-жъ ее знаетъ? отвѣтила она.—Развѣ ее поймешь? Что-то показывала мнѣ на пальцахъ, да помигала мнѣ бровями, а что именно,—я такъ и не поняла!

Она ушла. Мартынъ и Георгій поѣли каши, запили водой и снова погрузились въ молчаніе. Безъ Миши Георгій боялся ходить на работу одинъ, да и самъ Мартынъ уже не отпускалъ его отъ себя, боясь потерять и его.

Какъ вдругъ, около полудня прибѣжала радостная, запыхавшаяся Катя. Лицо ея теперь пылало, глаза сверкали. Разметавшіеся волосы прилипли у нея къ потному лбу. Одинъ башмакъ развалился

совѣмъ. Не смотря, на тяжкую, безумную усталость, она, повидимому, ея вовсе не замѣчала и вся занята была одной только мыслью, которую она лишена была возможности высказать. Она запыхалась, брови и губы ея двигались, пальцы сѣменили. Она старалась говорить и издавала какіе-то горловые звуки, но для знавшихъ ее Мартына и Георгія, при первомъ-же взглядѣ на нее, стало ясно все.

— Она нашла его! закричалъ Мартынъ.— Она его нашла!

— Гдѣ? Гдѣ? обрадовался Георгій.

Она не могла этого объяснить и только указывала рукою куда-то вдаль и потомъ на колодець, около котораго стоялъ сарайчикъ, но они ея не поняли. Отъ радости Мартынъ сталъ плакать. Георгій весь превратился въ дѣятельность. Онъ засуетился, засуматошился, сталъ надѣвать на себя сапоги. Катя побѣжалъ къ Климчаку и стала рассказывать по своему и тамъ. Затѣмъ она взяла веревку, на которой паслась у Климчака коза, схватила самого Климчака за рукавъ и потащила его за собою.

— Иди! Иди за ней ты! крикнулъ ему и Мартынъ.— Я боленъ и не могу! Георгій, отправляйся скорѣе съ ними! Она не обманетъ! Она его нашла! Но только мертвого или живого?

Онъ сталъ объяснять объ этомъ Катѣ, но она такъ торопилась, что не старалась его понять, и затѣмъ всѣ трое—она сама, Климчакъ и Георгій отправились куда-то далеко. Мартынъ остался дома одинъ.

Сердце его билось. Что, если Катя ошиблась? Что, если Миша уже не живой? Но что-то въ глубинѣ его души подсказывало ему, что все обойдется благополучно и что сынъ его живъ.

И это предчувствіе не обмануло его. Черезъ часъ всѣ вернулись домой. Вмѣстѣ съ ними явился и Миша. Онъ былъ блѣденъ, худъ и слабъ, пережитыя страданія не прошли для него безслѣдно, но глаза его теперь свѣтились какимъ-то особеннымъ блескомъ и улыбка увѣренности играла на его губахъ.

Теперь онъ могъ доказать инспектору, что онъ не лгунъ. Теперь его семья будетъ богатой, такъ какъ онъ надѣялся на награду.

Но онъ былъ такъ слабъ, что тотчасъ-же повалился на солому и на минуту лишился сознанія. Отецъ, Георгій и Климчакъ бросились къ нему, Катя подала ему воды. Всѣ захопотали вокругъ него, но больше всѣхъ хлопотала Катя.

А затѣмъ отъ усталости свалилась и она. Но она не дала себѣ воли и, отдохнувъ немного, снова вскочила на ноги и снова стала заботиться о другихъ.

— Ну, дѣвчонка! восхищался Климчакъ. — И пошлетъ-же такое счастье Господь другимъ! А у меня ихъ семь человекъ все одинъ другого глупѣе! Если-бъ ты видѣла, жена, какъ она вела насъ къ тому колодцу! Просто, какъ полководецъ! А вѣдь вотъ-же глухонѣмая! И умудритъ Господь такую! Нѣтъ, что ни говори, а Катюшка — это у Мартына даръ Божій!..

И онъ долго еще рассказывалъ своимъ домашнимъ, какъ Миша былъ найденъ и какъ его вытащили изъ колодца.

— Какъ-же онъ туда попалъ? спросила его жена.

— А кто-жъ его знаетъ? отвѣтилъ Климчакъ. — Не говорить. Словно воды въ ротъ набралъ. Должно быть, баловался... Перевѣсилъ черезъ край и упалъ. Хорошо еще, что въ томъ колодцѣ никогда не бываетъ воды!.. А то-бы быть бѣдѣ...

— Какъ же онъ попалъ-то къ тому колодцу?.. Вѣдь это совсѣмъ въ сторонѣ и цѣлыя три версты отсюда!

— Баловался потому-что! Вѣдь нынѣшніе мальчишки — сама знаешь, какіе! Пальца имъ въ ротъ не клади! Не то, что вдругъ окажется въ колодцѣ, а того гляди, что и на небо-то взлетитъ. Ой, горе съ ними, одно только горе нынче стало!

— Да какъ его Катюшка-то на-

шла? все еще допытывалась жена Климчака. — Какъ она догадалась-то, что онъ именно тамъ, въ колодцѣ-то?

Климчакъ почесалъ у себя за ухомъ.

А вотъ этого-то я и не знаю... сказалъ онъ. — Изъ ихъ разговоровъ я понялъ, что она двое сутокъ его искала и будто-бы случайно набрела на колодецъ и услышала, какъ Мишка изъ него кричалъ... А вѣрно-ли это, я не знаю.

— Да ужъ это-то вѣрно! подтвердила и жена. — Катюшка никогда не обманетъ. Не такая дѣвочка. А и встревожилась-же бѣдная... Цѣлые сутки ничего не ѣла. Прибѣжала утромъ, чуть свѣтъ, ко мнѣ, разбудила меня, суетъ мнѣ горшокъ съ крупой, а на самой лица нѣтъ...

Мужъ и жена поговорили еще немного и смолкли. На томъ разговоръ о Мишѣ и прекратился. Стоить-ли такъ долго останавливаться на пустякахъ? Вотъ если-бы заработать на лишній фунтъ хлѣба,—вотъ это было-бы дѣйствительно хорошо!

Къ двумъ часамъ дня Миша оправился совсѣмъ. Онъ всталъ, одѣлся и взялъ Катю за руку.

— Пойдемъ! сказалъ онъ.

Она привыкла всегда слушаться его, но на этотъ разъ, точно чего-то опасаясь, спросила его взглядомъ:—

— Куда?

— Мы пойдемъ къ главному инже-

неру — къ графу Радоцкому, отвѣ-
онъ. — Чтобы онъ мнѣ повѣрилъ,
ты подтвердишь ему, что нашла
меня въ колодецѣ. Я покажу ему
вотъ эту монету и сообщу ему все
о своей находкѣ.

Она плохо поняла его. Онъ по-
казалъ ей золотую монетку, она
съ удивленіемъ поглядѣла на нее,
и, сообразивъ, что дѣло идетъ о
чемъ-то важномъ, покорно подала
ему руку.

Георгія не было дома, Мартынъ
послѣ плохо проведенной ночи
крѣпко спалъ, — и они, не замѣ-
ченные никѣмъ, ушли.

Было жарко, палило солнце, вы-
соко въ небѣ пѣли жаворонки и
по всему было замѣтно, что уста-
новилось прочное лѣто. Миша и
Катя шли по шоссе и отъ того,
что было жарко идти, оно каза-
лось имъ безконечнымъ. Уставшая
за эти два дня и еще не совсѣмъ
отдохнувшая, Катя еле плелась.
Иногда они присаживались, но
Миша сгоралъ нетерпѣніемъ и
тотчасъ-же вскакивалъ и увлекалъ
съ собою и Катю.

— Скорѣй, скорѣй! торопилъ
онъ. — Нужно поспѣшить! Сейчасъ
работъ на шахтахъ нѣтъ, пере-
рывъ, всѣ отдыхаютъ, — и графъ
навѣрное у себя въ усадьбѣ. Намъ
нужно застать его именно у него
дома, а не въ конторѣ.

И онъ не ошибся. Вскорѣ по-
слышался топотъ лошадиныхъ ко-
пытъ и, обдавъ Мишу и Катю цѣ-

лымъ облакомъ бѣлой пыли, мимо
нихъ проѣхалъ дорогой экипажъ.
Въ немъ находился графъ. Онъ
ѣхалъ съ завода къ себѣ въ усадьбу
находившуюся отъ шахты вер-
стахъ въ трехъ, и, обернувшись,
узналъ Мишу. Онъ кивнулъ ему
головой и Миша еще долго махалъ
ему фуражкой вслѣдъ. Облако
пыли убѣгло за экипажемъ и
наконецъ исчезло за деревьями со-
всѣмъ.

— Это—самъ графъ... обратился
Миша къ Катѣ. — Онъ ѣдетъ домой
обѣдать. Вотъ-бы намъ его застать!

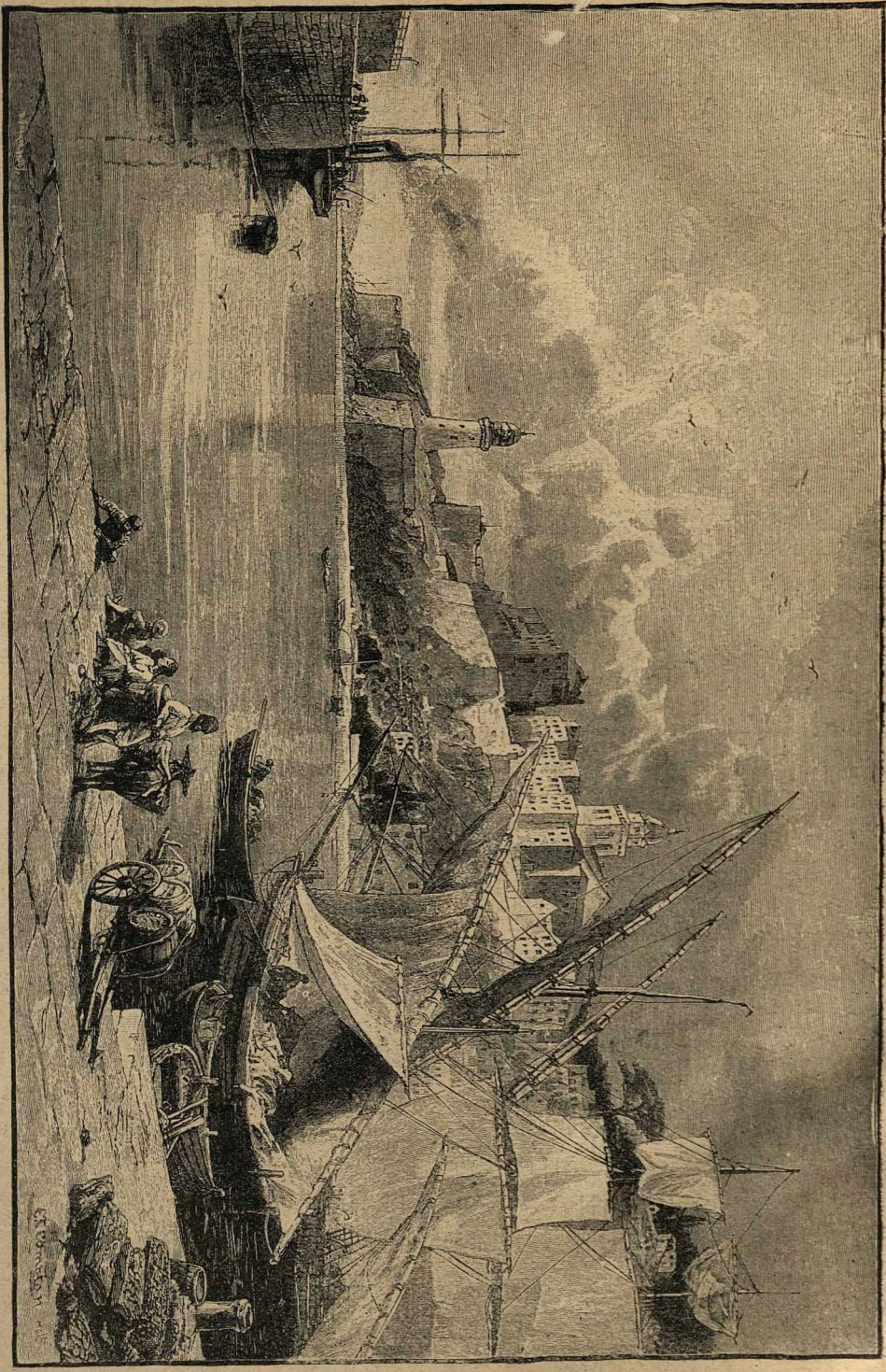
По мѣрѣ того, какъ они подхо-
дили къ усадьбѣ графа, мѣстность
мѣнялась. Потянулись засѣянные
пшеницей поля, воздухъ уже не
былъ зараженъ фабричнымъ ды-
момъ, весело зеленѣла трава и то
и дѣло стали попадаться лѣсочки
и балочки. А затѣмъ передъ дѣтьми
блеснуло большое пространство
воды и сквозь деревья роскошнаго
парка выглянули бѣлый, красивый
домъ.

— Здѣсь живетъ графъ... ска-
залъ Миша и не безъ страха отво-
рилъ калитку и вошелъ въ паркъ.

Катя улыбулась. Расчищен-
ныя дорожки, прохлада, щебетаніе
птицъ на деревьяхъ и кое-гдѣ раз-
ставленные по парку статуи про-
извели на нее впечатлѣніе краси-
вой сказки.

— Какъ здѣсь хорошо!.. сказала
она по своему.

Они подошли къ дому. Двѣ боль-

На островъ Корсикъ.

Олень.

шія ласковыя собаки поднялись со своихъ мѣстъ и обнюхавъ ихъ, завиляли хвостами. Катя положила на широкій лобъ одной изъ нихъ руку. Затѣмъ изъ дома вышла хорошо одѣтая молодая дама и остановилась на террасѣ.

— Вамъ, дѣти, кого? спросила она.

Катя тотчасъ-же узнала въ ней ту даму, которая привозила Мартыну вино, а ей конфекты, и сдѣлала ей реверансъ.

— Мнѣ нужно видѣть графа... отвѣтилъ, запинаясь, Миша.

— Мужъ только-что пріѣхалъ съ завода... сказала дама.— Онъ сейчасъ переодѣвается.

— Ахъ, ваше сіятельство, ясно-вельможная графиня! залепеталъ

— Вамъ, дѣти, кого? — спросила она.

Миша и опустился передъ ней на колѣни, прямо на песокъ. — Сдѣлайте такую милость!.. Разрѣшите мнѣ повидать сіятельнаго графа!.. Честное слово, я не буду его просить ни о чемъ! Я только скажу ему что-то важное.

Графиня улыбнулась.

— Встань съ колѣнъ, мальчикъ, сказала она.— Это не хорошо... На колѣни нужно становиться только передъ Богомъ.

Она не узнала Катю и мало обратила на нее вниманія, но Миша понравился ей своею искренностью.

— Хорошо, подождите здѣсь... сказала она и ушла обратно въ домъ.

Вышелъ затѣмъ самъ графъ. Онъ былъ теперь въ бѣломъ кителѣ, такъ что Миша его сразу не узналъ.

— Что скажешь, мальчуганъ? обратился онъ къ нему.

Неужелиэто самъ графъ? Неужели онъ, такой важный господинъ, и снизошелъ до того, что самъ вышелъ къ Мишѣ на встрѣчу? Миша давно уже ожидалъ этого момента и въ то-же время не смѣлъ о немъ мечтать.

— Ваше сіятельство! заговорилъ онъ и почувствовалъ, какъ кровь бросилась ему въ лицо и какъ сердце у него забилося. — Ваше сіятельство!..

— Говори короче, въ чемъ дѣло? ободрилъ его графъ.

Миша вынулъ изъ кармана золотую монету и протянулъ ее къ графу.

— Я нашелъ цѣлый кладъ, ваше сіятельство! сказалъ Миша. — Цѣлые ящики и мѣшки, доверху наполненные вотъ такими монетами! Но этому кладу угрожаетъ опасность... Если его скоро не взять оттуда, то его расхитятъ по частямъ!

— Кладъ? переспросилъ графъ и внимательно осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ монету. — Гдѣ же ты нашелъ этотъ кладъ?

— Цѣлый погребъ, ваше сіятельство... продолжалъ Миша и на глазахъ у него заблестали отъ волненія слезы. (Катя давно уже дрожала, какъ осиновый листъ). — Такъ много денегъ, что нельзя ихъ и считать...

— Да гдѣ ты его нашелъ?

— Въ шахтахъ, которыми управляете ваше сіятельство, ясновельможный графъ! Въ заброшенныхъ, старинныхъ галереяхъ. Я говорилъ объ этомъ господину инспектору, но онъ назвалъ меня дуракомъ и болваномъ и не повѣрилъ мнѣ. Но тогда воры прорубленное мною отверстіе замуровали—и это вполне понятно, что онъ мнѣ не повѣрилъ... А теперь, теперь не то...

И, волнуясь, сбиваясь, боясь, какъ бы чего-нибудь не упустить и въ то же время не сказать лишняго, Миша рассказалъ графу все: какъ онъ засталъ около золота воровъ, какъ они замуровали его самого въ погребъ, какъ онъ чув-

ствовалъ себя почти двое сутокъ погребеннымъ и какъ затѣмъ неожиданно спасла его Катя.

— Вотъ спросите хоть у нея, у Кати... сказалъ Миша.—Она вамъ все подтвердитъ... Только простите, ваше сіятельство, она глухонѣмая и не умѣетъ говорить!

При словѣ „глухонѣмая“ графъ какъ-то странно повелъ плечами и лицо его отуманилось.

— Это твоя сестра? спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣтилъ Миша,—это нашъ приемышъ. Восемь лѣтъ тому назадъ мы нашли ее въ лѣсу. Вѣроятно, она отстала отъ своихъ и заблудилась, — мы и взяли ее къ себѣ.

Лицо графа засвѣтилось надеждой.

— Въ какомъ лѣсу? спросилъ онъ.

— Не знаю, графъ, я ужъ не помню... Я спрошу своего отца и доложу вамъ...

Графъ кликнулъ къ себѣ лакея и приказалъ ему позвать графиню. Она тотчасъ-же вошла. Онъ о чемъ-то долго говорилъ ей по-французски, она вся затрепетала и затѣмъ оба они сошли внизъ къ Катѣ и стали ласково осматривать ее со всѣхъ сторонъ.

— Что, если это она? сказала графиня по французски.

— Дай-то Богъ! отвѣтилъ графъ. Затѣмъ графиня взяла Катю за

руку и ввела ее въ домъ. Графъ послѣдовалъ за ними. Миша остался одинъ.

Прошли томительно для него четверть часа. Затѣмъ забѣгали лакеи, слышался снова звукъ лошадиныхъ копытъ и къ крыльцу подъѣхалъ экипажъ. Въ то-же время и графъ вышелъ изъ крыльца, но уже не въ бѣломъ кителѣ, а въ накидкѣ и въ перчаткахъ.

— Садись! обратился онъ къ Мишѣ. — Поѣдемъ!

Онъ усадилъ Мишу рядомъ съ собою и приказалъ кучеру:

— На шахты!

— А Катя? спросилъ Миша.

— Она придетъ позже... Ее проведутъ!..

Бичъ щелкнулъ и быстрыя, дорогія лошади помчались къ заводу. Скоро усадьба осталась позади и предъ удивленными взорами заводскихъ служащихъ снова неожиданно появился графъ и вмѣстѣ съ нимъ простой крестьянскій мальчикъ.

— Позовите сюда инспектора! сказалъ графъ. — Пусть придетъ сюда кто-нибудь еще и изъ старшихъ!

И когда всѣ собрались, графъ повелъ ихъ къ подъемной машинѣ. Они всѣ стали на ея площадку.

— Спускайте! скомандовалъ графъ.

И машина медленно, но плавно стала спускать ихъ всѣхъ подъ землю.

Миша волновался. Въ вискахъ

у него стучало и сердце билось такъ, какъ никогда...

Часъ спустя, Миша прибѣжалъ домой запыхавшись, радостный и веселый. Теперь ужъ ему не нужно было скрывать ничего. Онъ рассказывалъ своимъ домашнимъ и семьѣ Климчака, какъ въ присутствіи самого графа былъ вскрытъ погребъ и какъ передъ глазами удивленныхъ свидѣтелей заблистали вдругъ драгоценныя монеты.

— Ихъ оказались цѣлыя тысячи! говорилъ онъ, задыхаясь отъ волненія. — А потомъ, когда всѣ ящики и мѣшки съ деньгами сосчитали и опечатали до прибытія властей, самъ графъ подошелъ ко мнѣ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ты честный мальчикъ, Михаилъ! Такіе поступки не остаются безъ вознагражденія никогда!

Всѣ слушали его и ахали отъ удивленія. Возвратившаяся за десять минутъ до него Катя была точно во снѣ. Все пережитое ею казалось ей чѣмъ-то волшебнымъ и ей тоже хотѣлось рассказать всѣмъ, какъ она гостила у графини и какъ ее ласково тамъ принимали. Но она сѣменила пальцами, двигала бровями и губами и на этотъ разъ ее не понималъ уже никто.

— Ай, да Миша! воскликнулъ Климчакъ. — Ай, да молодецъ!

Въ семь часовъ вечера къ избушкѣ Климчака подъѣхалъ роскошный экипажъ. Съ его козелъ

соскочилъ лакей и направился прямо къ тому сарайчику, въ которомъ жилъ Мартынъ Дикій съ семьей.

— Который изъ васъ тутъ Мартынъ Дикій? спросилъ онъ.

— Это я... отвѣтилъ Мартынъ.

— Его сіятельство, инженеръ графъ Радоцкій требуетъ васъ, какого-то Мишу и барышню Катю къ себѣ!

Всѣ засуетились. Начались сборы. Не во что было одѣться, каждый имѣлъ только то, что носилъ на себѣ, но стали хвататься то за одно, то за другое. Жена Климчака принесла Мартыну мужнины сапоги и Катѣ—старенькое платьишко своей дочери, и только слышалось:

— Скорѣй! Скорѣй!

Мартынъ оглядѣлъ Катю.

— Ахъ, Боже мой, сказалъ онъ, — вѣдь у тебя совсѣмъ развалились башмаки. Поѣзжай хоть босая. Все-таки это приличнѣе будетъ, чѣмъ въ такихъ рваныхъ башмакахъ.

И вдругъ вспомнивъ о чемъ-то, онъ порывъ здоровой рукой у себя въ завѣтномъ узелкѣ и досталъ оттуда тотъ самый золотой крестикъ, въ которомъ когда-то была Катя, когда ее нашли въ лѣсу.

— Надѣнь-ка его на себя, сказалъ онъ ей.—Все-таки это будетъ наряднѣе!

Она радостно улыбнулась, на-

дѣла на себя крестикъ и, гордая собой, побѣжала къ экипажу. Мартынъ, Миша и Георгій послѣдовали за ней. Затѣмъ кучеръ потянулъ за вожжи и всѣ они, точно въ сказкѣ, точно по мановенію жезла волшебной феи, покатали въ экипажѣ въ графскую усадьбу.

— Ну, вотъ и хорошо, Мартынъ, что вы пріѣхали, хоть и больны... встрѣтилъ Мартына Дикаго графъ Радоцкій.—Теперь вы расскажете намъ все о Катѣ, а я вамъ все о нашемъ сынѣ Михаилѣ...

Но Мартыну вовсе не пришлось ничего рассказывать о Катѣ. Графиня увидѣла на ней крестикъ, узнала его и, не помня себя отъ волненія, взвизгнула, бросилась къ дѣвчкѣ и стала ее обнимать.

Графиня стала ее снова ласкать.

Слезы ручьями полились у нея изъ глазъ.

— Моя!.. Моя!.. заговорила она.— Дорогая моя Кесея!.. Наконецъ-то ты нашлась!

Графъ тоже бросился къ дѣвочкѣ и сталъ ее обнимать и цѣловать. Слезы тоже заструились у него изъ глазъ. А затѣмъ оба они, графъ и графиня, схватили Катю за руку и увели во внутренніе покои. Тамъ графиня сѣла на диванъ, прижала ее, грязненькую, къ себѣ и стала ее снова ласкать и, растроганная, обрадованная, плакала - плакала безъ конца...

Мартынъ, Миша и Георгій вернулись домой уже безъ Кати. Она осталась у своихъ матери и отца совсѣмъ. Ихъ встрѣтила семья Климчака и, полная удивленія, стала спрашивать ихъ обовсемъ. Но они чувствовали себя точно во снѣ, сами не вѣрили себѣ и отвѣчали имъ невпопадъ.

— Каково? А? восклицала жена Климчака.— Ну, я такъ и думала, такъ и предполагала всегда, что она—графиня или княжеская дочь!..

А затѣмъ Мартынъ вспомнилъ о чемъ-то и полѣзъ къ себѣ въ карманъ. Онъ вынулъ изъ него толстый бумажникъ, туго набитый деньгами, отдѣлил отъ нихъ добрую половину и протянулъ ее къ Климчаку.

— Приятель, обратился онъ къ нему.— Эти деньги подарилъ мнѣ графъ. Онъ сказалъ, что кромѣ

этого, Миша получитъ еще и за находку. Теперь мы богаты. Такъ позволь-же мнѣ подѣлиться съ тобой, возьми эти деньги и не нуждайся больше ни въ чемъ!

Климчакъ долго отказывался, а затѣмъ взялъ деньги и прослезился. Его жена плакала въ три ручья.

Прошелъ годъ.

Невдалекѣ отъ графской усадьбы, въ лѣску, появились два красивые домика съ полнымъ хозяйствомъ. Около одного изъ нихъ—бѣгали теперь уже чистенько и прилично одѣтые дѣти. По двору ходила довольная хозяйка, побрякивая ключами, и наводила вездѣ порядокъ. Каждый вечеръ съ завода приходилъ ея мужъ въ приличной шведской курткѣ и въ высокихъ сапогахъ.

Это—семья Климчака.

Въ другомъ домикѣ—жилъ Мартынъ Дикій. Теперь его нельзя было узнать. Онъ поправился, выздоровѣлъ и каждый день съ самаго утра садился у себя въ садикъ и поджидалъ, когда къ нему прибѣжитъ изъ усадьбы повидаться маленькая графиня. И она обязательно прибѣгала къ нему, бросалась къ нему на шею и цѣловала его въ лобъ. А затѣмъ она принималась за хозяйство и начинала наводить въ домѣ порядокъ...

А Миша, а Георгій? спросить навѣрное читатель.—А тѣ рабочіе,

которые такъ вѣроломно поступили съ маленькимъ углекопомъ?

Авторъ готовъ удовлетворить его любопытство.

Миша и Георгій тогда-же были отвезены графомъ въ городъ и отданы имъ въ гимназію учиться. Правда, имъ пришлось многое догонять, но оба они были способны и прилежны, и скоро опередили своихъ товарищей. Теперь ихъ ожидали на каникулы домой и Катя считала дни и часы, когда они приѣдутъ. Изъ города сообщали, что Миша очень возмужалъ, и что Георгій пересталъ бояться и прятаться за его спину.

Что-же касается рабочихъ, то

о нихъ неизвѣстно ничего. Миша не захотѣлъ о нихъ доносить, обо всемъ позабылъ и даже съ тѣхъ поръ не встрѣтился съ ними ни разу нигдѣ. Говорили, что они гдѣ-то и въ чемъ-то попались еще и что ихъ осудили и посадили въ тюрьму, но Мишѣ теперь было не до нихъ и онъ даже не освѣдомлялся, было-ли это дѣйствительно такъ, или нѣтъ.

— Богъ съ ними! говорилъ онъ, когда поднимался объ этомъ вопросъ. — Не будемъ объ этомъ вспоминать! Было и прошло! Все хорошо, что хорошо кончается, — а для насъ все окончилось дѣйствительно хорошо!..

К. Тр.

К О Н Е Ц Ъ .

ЧЬЯ-ТО ЧУЖАЯ.

Никто не зналъ всей ея исторіи, а тѣ добрые люди, которые приютили ее у себя, старались не задавать ей вопросовъ, такъ какъ видѣли, что это причиняло ей боль. Ее нашли въ лѣсу, на берегу озера, въ полу-безсознательномъ состояніи отъ голода и жажды. Тогда она сказала, что ея имя было — Линда, и что она убѣждала отъ тѣхъ, кто насильно заставлялъ ее дѣлать то, чего она не желала; такъ что ей оставалось или помогать имъ, или бѣжать отъ нихъ; она предпочла послѣднее.

Ея дѣтскій видъ, врожденное благородство и чистая правда, свѣтив-

шаяся въ ея доверчивыхъ сѣрыхъ глазахъ, тронули нашедшую ее въ лѣсу фрау-Либволь и она взяла ее къ себѣ. Фрау-Либволь была вдова, у нея и безъ того было четыре дочери своихъ, но ей стало жаль дѣвочку и она взяла ее за руку и повела къ себѣ домой.

— Теперь ты будешь у меня, сказала она. — Тебя здѣсь никто не тронетъ.

Ея дочери были всѣ старше Линды, обрадовались ей и скоро полюбили ее, какъ родную сестру. Не прошло и года, какъ она тоже освоилась въ своей новой семьѣ настолько, что стала считать ее своею

и такъ привязалась къ ффрау-Либволь, что стала называть ее мамой.

— Вотъ только-бы никто не потребовалъ ее отъ насъ назадъ... часто говорила потихоньку ффрау Либволь своимъ дочерямъ.—Только-бы не нашлись ея родственники...

Въ Линдѣ было что-то особенно привлекательное. Какъ ребенокъ, она была настоящей красавицей. Худенькая, нѣжная, хрупкая, ласковая и обходительная, она какъ-то особенно выдѣлялась среди крупныхъ, толстыхъ, краснощекихъ дочерей ффрау-Либволь. Къ тому же оказалось, что она прекрасно плавала и отлично гребла веслами.

— Гдѣ ты выучилась? спрашивали ее сестры.

Она какъ-то загадочно улыбалась, личико ея хмурилось, она опускала голову и не отвѣчала.

— Ну, какъ знаешь... говорили сестры.—Ты такая скрытная... Все отъ насъ скрываешь, сторонисься насъ...

Эти слова заставляли ее страдать. Она уходила въ садъ, садилась гдѣ-нибудь въ уголокъ и начинала плакать.

Всегда рѣзвая, веселая, заставлявшая быть веселыми и другихъ, она иногда вдругъ задумывалась, становилась печальной, точно вспоминала о тяжеломъ прошедшемъ или-же предчувствовала что-нибудь дурное впереди. Какая-то странная тѣнь набѣгала въ такія минуты на ея дѣтскую жизнь.

Однажды ффрау-Либволь со всѣми дочерьми отправилась въ гости въ сосѣдній городокъ. Линда осталась дома одна. У нея сильно болѣла голова. Домашнихъ это не пугало, потому что у нея голова

болѣла часто, но скоро-же и проходила.

— Это отъ малокровія, говорила ффрау-Либволь.—У меня самой, когда я была дѣвочкой, тоже часто болѣла голова. Это пройдетъ.

Проводивъ родныхъ, Линда вышла на балкончикъ, чтобы освѣжиться и подышать чистымъ воздухомъ. Домъ былъ выстроенъ на полугорѣ, такъ что внизу виднѣлась крыша рыбацѣй избушки, а позади дома тотчасъ-же начинались горы, уходившія за облака.

Заходило солнце. Линда стояла на балкончикѣ и глядѣла на спокойное, какъ зеркало, озеро, казавшееся сдѣланнымъ изъ расплавленного золота. Кругомъ озера подымались горы, на снѣговыхъ вершинахъ которыхъ тоже отражалось солнце, такъ что и онѣ тоже казались золотыми. Далеко—далеко на противоположной сторонѣ виднѣлась чья-то бѣленькая дачка, отражавшаяся въ водѣ. Внизу, у рыбацѣй хижины, мальчики ловили удочками рыбу. Было тихо и прекрасно въ этомъ швейцарскомъ уголкѣ, въ этой еще сравнительной глуши, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и большихъ городовъ.

Линда стояла на балкончикѣ, глядѣла на озеро и на горы и не могла наглядѣться. Какъ вдругъ ея вниманіе привлекъ къ себѣ какой-то господинъ. Онъ былъ очень хорошо одѣтъ и, повидимому, былъ путешественникъ. Поравнявшись съ балкончикомъ, на которомъ стояла Линда, онъ остановился и приподнял шляпу. Она отвѣтила на его поклонъ. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на нее, такъ что ей даже сдѣлалось неловко. Какое-то умиленіе разлилось по его лицу, ка-

Гостья.

кая-то странная, ласковая улыбка засвѣтилась у него въ глазахъ и заиграла на губахъ.

— Какъ васъ зовутъ, барышня? спросилъ онъ ее по англійски.

Очевидно, онъ былъ англичаниномъ.

Она отвѣтила ему по-нѣмецки:

— Когда-то давно-давно, я знала по англійски, но все забыла. Я не понимаю васъ, господинъ...

— Быть можетъ, вы говорите по французски?

Но она опять его не поняла и отрицательно закивала головой.

Онъ опять посмотрѣлъ на нее и опять ласково улыбнулся.

— Вы похожи на мою пропавшую безъ вѣсти дочь Линду... сказалъ онъ.

Она поняла слово „Линда“ и отвѣтила по-нѣмецки:—

— Меня тоже зовутъ Линдой...

А потомъ, собравъ всѣ свои познанія по французскому языку, вспомнивъ все, что когда-либо ей приходилось слышать по французски, она продолжала уже на этомъ языкѣ:

— Если вы, господинъ, нуждаетесь въ ночлегѣ или въ проводникѣ, то зайдите черезъ часъ. Мама сейчасъ въ гостяхъ. Она отлично говорить по французски и можетъ порекомендовать для васъ проводника.

Она сказала это очень неправильно, но онъ понялъ ее, кивнулъ ей головой и, пославъ ей воздушный поцѣлуй, направился къ хижинѣ рыбака.

Затѣмъ какіе-то два другіе человека прошли внизу и какъ-то подозрительно оглядывались по сторонамъ. Оба были въ полицейской формѣ. Они поговорили

между собою, поглядѣли на озеро, приложили ладони къ глазамъ и вдругъ спрятались за скалой. Очевидно, они кого-то выслѣживали или поджидали.

„Что бы это могло значить“? подумала Линда.

Англичанинъ вошелъ къ рыбаку, полицейскіе видѣли это, но не обратили на это никакого вниманія. Это удивило Линду. Значитъ, полицейскіе искали не его!

Голова у Линды все еще болѣла, но она старалась не обращать на это вниманія и продолжала смотрѣть на озеро. Кругомъ было прекрасно. Теплый вѣтерокъ тянулъ съ горъ и охлаждалъ ея щеки. Она такъ уже привыкла къ этому дому, къ этому озеру и окружавшимъ ее горамъ, что считала ихъ своими, и каждый уголокъ, каждый камешекъ на берегу казался ей роднымъ. И вдругъ ея вниманіе привлекла къ себѣ лодка, отчалившая съ противоположнаго берега и направлявшаяся прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояли, притаившись за камнемъ, полицейскіе. Лодка эта прошла такъ близко отъ террасы, на которой стояла Линда, что дѣвочка ясно и отчетливо могла различить черты двухъ мужчинъ, которые на ней сидѣли. Увидѣвъ ихъ, она вскрикнула, испугалась, схватилась рукою за сердце, и едва могла двинуться съ мѣста. Затѣмъ она хотѣла бѣжать, но не могла. Ноги отказались ей служить. Она прижалась къ столбику балкона и, вся поблѣднѣвъ, какъ смерть, еле могла дышать.

— Неужели они меня увидѣли? прошептала она.—Господи, защити меня и помилуй! Милая ма-

ма, помолись за меня на небѣ!.. Неужели они опять заставят меня идти къ себѣ?

Она сложила руки ладонями вмѣстѣ и подняла глаза къ небу. Сердце ея билось. Она вся дрожала, какъ листь. Но минуты проходили, никто не появлялся и это дало ей надежду. Она стала мало-по-малу приходить въ себя.

— Нѣтъ, нѣтъ, они не видали меня!.. утѣшала она себя.—Откуда бы они могли узнать, что я здѣсь? Вѣдь я отъ нихъ убѣжала еще полтора года тому назадъ и съ тѣхъ поръ о нихъ не было слышно ничего...

И, набравшись храбрости, она сбѣжала съ балкона въ садикъ и побѣжала къ каменному забору, отдѣлявшему виноградникъ отъ сосѣдняго пустыря.

„Если даже они и узнали меня, подумала она.—То здѣсь они меня не найдутъ!..

Но надежды ея не оправдались. Около нея послышались чьи-то шаги и чья-то тяжелая рука опустилась ей прямо на плечо. У Линды замерло сердце.

— Ага, попалась! сказалъ мужской грубый голосъ.—Наконецъ-то я тебя нашель!

Она подняла глаза. Передъ нею стоялъ смуглый, похожій на цыгана, человѣкъ съ серьгою въ ухѣ, котораго она такъ боялась.

— Ты вздумала убѣжать отъ меня, продолжалъ онъ,—но видишь—я тебя нашель! Я и мой товарищъ Лео слѣдили за тобой и искали тебя шагъ за шагомъ, какъ гончія собаки. Теперь ты отъ насъ не уйдешь!..

Она прижала руку къ бившемуся сердцу. Губы ея трепетали.

— Пожалѣйте меня, сказала она.—На что я вамъ? Вѣдь я не могу заниматься тѣмъ дѣломъ, на которое вы меня толкаете. Съ тѣхъ поръ какъ умерла моя мама и вы украли меня, я нашла счастье только здѣсь, въ этой семьѣ.. Я бесполезна для васъ... Имѣйте сожалѣніе, не берите меня отсюда!

Но человѣкъ оставался неумолимымъ.

— Ты говоришь, что здѣсь тебя любятъ? задалъ онъ вопросъ.

— Да... отвѣтила Линда.

— Значить, здѣсь вѣрятъ тебѣ?

— Да...

— Гдѣ-же они? Посмѣй только крикнуть и я заставлю тебя замолчать!..

— Я не буду кричать... залепетала она. Это вовсе не нужно... Все равно ихъ нѣтъ дома... Во всемъ домѣ осталась только я одна...

Онъ подумалъ.

— Только ты одна? переспросилъ онъ.—Въ такомъ случаѣ выслушай меня. Я дамъ тебѣ полную свободу и оставлю тебя здѣсь навсегда, если ты проведешь меня сейчасъ-же въ домъ и укажешь мнѣ, гдѣ у васъ лежатъ деньги и драгоценныя вещи...

Линда вдругъ выпрямилась во весь свой ростъ. Страхъ ея исчезъ. Глаза ея засверкали гнѣвомъ.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебѣ обокрасть тѣхъ, спросила она,—кто приютить меня и кто любить меня, какъ родную дочь? Ни за что!

— Подумай, Линда, что ты говоришь! изумился онъ.—Вѣдь если ты этого не сдѣлаешь, то я сейчасъ-же возьму тебя съ собой. Разсуди объ этомъ, и веди меня

скорѣе въ домъ!.. Гдѣ у васъ тамъ лежатъ деньги и прочее?

Точно боясь его удара, она закрыла руками лицо и сидѣла отъ него шагъ назадъ. Онъ схватилъ ее за руку и привлекъ ее къ себѣ.

— Веди же! крикнулъ онъ ей.

— Ни за что! взвизгнула она и, вырвавшись отъ него, перескочила черезъ заборъ и побѣжала къ озеру.

Онъ бросился за ней.

— Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня! крикнулъ онъ. — Я догоню тебя и заставлю тебя дѣлать то, что хочу!

Онъ уже готовъ былъ настигнуть ее, уже готовъ былъ протянуть руку, чтобы схватить ее за косу или за плечо, какъ она подбѣжала къ самому озеру, вспрыгнула на береговой камень и со всего размаха бросилась въ воду.

Широкіе круги одинъ за другимъ побѣжали вокругъ того мѣста, гдѣ она исчезла, и стали догонять другъ друга...

Незнакомецъ съ серьгой въ ухѣ, не думалъ, что такъ окончится его затѣя, въ удивленіи стоялъ на берегу и глядѣлъ на эти круги. Дѣвочка вынырнула изъ воды уже далеко отъ берега и поплыла на середину озера. Въ то же время два полицейскіе вышли изъ за камня и подбѣжали къ неизвѣстному.

— Именемъ закона я васъ арестую! сказалъ одинъ изъ нихъ и схватилъ его за плечо.

Другой полицейскій схватилъ его за другую руку.

— Мы давно уже слѣдили за вами, сказалъ онъ. — Теперь не желаете ли вы отправиться съ нами въ тюрьму?

Затѣмъ они связали ему руки и, не обративъ даже вниманія на то, что среди озера барахталась дѣвочка, они повели его въ ближайшій городъ.

„Какъ далеко здѣсь однакоже уплываютъ отъ берега дѣти во время купанья!“ подумалъ одинъ изъ нихъ, бросивъ случайный взглядъ на Линду. — „Славно плаваетъ дѣвчонка!“

И они ушли. А въ это время Линда уже выбивалась изъ силъ и тонула.

Пока все это происходило, англичанинъ сидѣлъ у рыбака и велъ съ нимъ разговоръ. Большинство швейцарцевъ знаетъ англійскій и французскій языки и потому разговоръ велся по англійски.

— Кто эта дѣвочка, которую я видѣлъ на балконѣ вонъ того дома? спросилъ англичанинъ и указалъ на домъ фрау Либволь.

— Не знаю, сударь, о какой дѣвчкѣ вы говорите, отвѣтилъ рыбакъ. — У фрау Либволь ихъ цѣлыхъ пять. Четыре родныя дочери и одна пріемышъ...

— Пріемышъ? переспросилъ англичанинъ. — А которая изъ нихъ пріемышъ?

— Самая младшая.. повидимому, она не швейцарка. Здѣсь всѣ дѣвушки рослыя и розовыя, а она худенькая, какъ былинка, и блѣдная, какъ лилія. Фрау Либволь нашла ее голодную, почти безъ чувствъ, въ лѣсу...

— Нашла въ лѣсу? удивился англичанинъ и въ волненіи поднялся съ мѣста.

— Да, нашла въ лѣсу... продолжалъ рыбакъ. — Въ исторіи этой дѣвочки есть что-то таин-

ственное, потому что она не говоритъ, кто она и кто ея родители... Фрау Либволь — женщина деликатная и щадить самолюбие даже простой нищенки. Она любила Линду, какъ родную дочь, даже больше...

— Вы говорите Линду? спросилъ англичанинъ и взялся за сердце.

Рыбакъ съ удивленіемъ на него поглядѣлъ.

— Вамъ дурно, сударь? спросилъ онъ. — Быть можетъ, вамъ дать воды?

Англичанинъ овладѣлъ собой.

— Нѣтъ, ничего... отвѣтилъ онъ. — Расскажите мнѣ что-нибудь о Линдѣ еще!

— Да что-же о ней рассказывать? продолжалъ рыбакъ. — Мнѣ думается, что Линда — дочь благородныхъ родителей, а кто она — я не знаю.

Англичанинъ подошелъ къ нему, сѣлъ рядомъ съ нимъ и взялъ его за руку.

— Послушайте, мой другъ, началъ онъ. — Мнѣ очень жаль, что сейчасъ нѣтъ дома этой фрау Либволь, съ которой я могъ-бы поговорить о Линдѣ. — Минутъ двадцать тому назадъ, когда я проходилъ мимо ея дома и увидалъ эту дѣвочку, она страшно, поразительно напомнила мнѣ мою покойную жену. Вы знаете, мой другъ, — тутъ онъ еще ближе придвинулся къ рыбаку и еще крѣпче сжалъ его руку, — эта встрѣча такъ необычайна, что мнѣ хочется о ней говорить и мнѣ кажется, что эта самая дѣвочка Линда — моя дочь...

— Ваша дочь? переспросилъ рыбакъ и поднялся съ мѣста.

— Да, моя дочь... Пять лѣтъ

тому назадъ я долженъ былъ долго уѣхать въ Аргентину... Туда призывали меня дѣла. Моя жена, не отличавшаяся здоровьемъ, отправилась безъ меня на югъ Франціи и поселилась въ простой деревушкѣ у самаго подножія Пиринейскихъ горъ, гдѣ жили одни только испанцы, — да какіе-то люди, похожіе на цыганъ. Тамъ она хотѣла найти исцѣленіе отъ своей болѣзни, потому что климатъ тамъ дѣйствительно превосходный.

Онъ вздохнулъ и провелъ рукою по лбу.

— Она вскорѣ-же умерла, бѣдняжка, продолжалъ онъ, — оставивъ Линду одну. Когда я возвратился изъ Аргентины и отправился въ ту деревню, то я уже не нашелъ тамъ ни жены, ни дочери. Жена лежала въ могилѣ, а дочь Линда исчезла неизвѣстно куда... Мнѣ сказали, что ее взялъ съ собой какой-то смуглый прохожій съ серьгой въ ухѣ — и съ тѣхъ поръ я ищу свою дочь и нигдѣ ея не нахожу. Эта дѣвочка Линда такъ поразила меня своимъ сходствомъ съ моей покойной женой и къ тому-же носить то же самое имя, что и моя дочь...

Онъ вздохнулъ и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Рыбакъ въ удивленіи стоялъ у своего стула и смотрѣлъ на него большими глазами. Какъ вдругъ англичанинъ вздрогнулъ, прислушался и бросился къ окну.

— Тамъ кто-то тонетъ! крикнулъ онъ и указалъ пальцемъ на середину озера. — Я вижу, какъ тамъ кто-то выбивается изъ силъ!..

— О нѣтъ, суларь, не беспокойтесь... отвѣтилъ рыбакъ. — Здѣсь всѣ отлично плаваютъ!

— Увѣряю васъ, тамъ кто-то тонетъ! Я вижу по движеніямъ, что тамъ кто-то выбивается изъ силъ!

Рыбакъ приставилъ ладонь ко лбу и приглядѣлся.

— Да, да... согласился теперь и онъ.—Тамъ дѣйствительно кто-то тонетъ... Теперь вижу и я...

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ схватиться за шляпу, англичанинъ уже выбѣжалъ изъ избушки и устремился къ берегу. Сбросивъ съ себя на ходу пальто, сумку и пиджакъ, онъ ринулся въ озеро и, широко размахивая руками, поплылъ къ утопавшей Линдѣ.

Онъ подоспѣлъ къ ней въ самый необходимый моментъ. Она уже выбилась окончательно изъ силъ и, громко взвизгнувъ въ послѣдній разъ, стала погружаться на дно. Онъ нырнулъ, схватилъ ее за воротъ и поплылъ вмѣстѣ съ нею къ берегу. Линда была спасена.

Веселыя, съ звонкимъ смѣхомъ возвратились изъ гостей фрау Либволь и ея дочери. Обѣжавъ всѣ комнаты и не найдя въ нихъ Линды, онѣ вышли въ садъ и громко стали кликать:

— Линда! Линда!

Но она не отзывалась. Это удивило ихъ. Линда всегда была домосѣдкой, никогда въ отсутствіи ихъ не уходила со двора и это заставило дѣвушекъ предположить, что она сидитъ на берегу, недалеко отъ дома, и удить рыбу. Онѣ толпой побѣжали къ озеру.

— Линда! Линда! Гдѣ ты? кричали онѣ.—Отзовись!

И вдругъ, почти у самой калитки, онѣ столкнулись съ незнакомцемъ. Онъ былъ весь мокрый и несъ что-то мокрое на рукахъ.

— Это Линда... сказалъ онъ.— Она утонула... Но она еще жива... Она только лишилась чувствъ...

Онѣ испугались и стали плакать.

Онъ внесъ ее въ домъ и положилъ ее на диванъ. Фрау-Либволь и дѣвушки окружили ее, раздѣли и стали приводить ее въ чувство.

Она открыла глаза и обвела ими вокругъ себя. Ей показалось страннымъ, что она была у себя дома и что ее окружали тѣ, кого она любила.

— Успокойся, дитя мое, не двигайся!.. обратилась къ ней фрау-Либволь и ласково поцѣловала ее въ щеку.—Ты еще слаба.

Линда поднялась на локтѣ и снова оглядѣлась кругомъ.

— А гдѣ же тотъ?.. Чужой?.. спросила она.

— Кто чужой? переспросила ее фрау-Либволь.

— Человѣкъ съ серьгою въ ухѣ...

Теперь для англичанина не оставалось уже больше никакихъ сомнѣній. Онъ подошелъ къ дѣвочкѣ, опустился передъ ней на колѣни и обнялъ ея слабенькое, еще влажное тѣльце.

— Линда!.. сказалъ онъ, и слезы покатались у него изъ глазъ.— Дорогое дитя мое! Моя милая дочь!

Всѣ вздрогнули и насторожились! Неужели нашелся, наконецъ, тотъ, кто возьметъ теперь отъ нихъ эту дѣвочку и увезетъ ее съ собой? Можетъ-ли это быть?

Но сама Линда взглядѣлась въ своего отца и вдругъ ласково и радостно улыбнулась. Что-то далекое, давно уже позабытое, вдругъ пришло ей на умъ, она что-то вспомнила и вдругъ бросилась къ нему на шею.

А кругомъ стояли фрау-Либволь и ея дочери и со страхомъ и съ недоумѣніемъ переглядывались между собою,

Англичанинъ разсказалъ имъ все.

Что-же было потомъ? Потомъ было то, чѣмъ часто кончаются подобныя исторіи.

На сосѣдномъ пустырьѣ скоро выросъ красивый домикъ. Въ немъ поселились Линда и ея отецъ. Заборъ былъ разгороженъ, сдѣланъ былъ общій садъ и никто-бы даже и не подумалъ, что Линда и четыре дочери фрау-Либволь — были не родныя сестры.

(Съ англ. по М. Е. К.)

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Что находится въ самомъ началѣ Москвы, въ самой серединѣ Самары и въ началѣ и въ концѣ города Муромъ?

II.

Есть очень длинное слово „преимущественнѣйшій“. А какъ слово это написать всего только тремя буквами?

III.

Названіе южнаго губернскаго города состоитъ изъ одиннадцати буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. Буквы 3. 7. 6. 5. — означаютъ то, что находится отъ этого города всего только въ 73 верстахъ, считая по желѣзной дорогѣ, 1. 9. 10. 11. — то, что добывается въ 75—100 верстахъ отъ этого города, 8. 7. 10. 5. — то, что окружаетъ деревню, 3. 9. 10. 11. — насѣкомое, которое портитъ суконныя вещи, 4. 7. 6. 5. 10. 11. — рыбу, которая водится въ быстрыхъ горныхъ рѣкахъ, 8. 6. 7. 4. 2. 10. 11. — то, что мы видимъ на фотографіяхъ и портретахъ.

Отгадать эти слова и названіе города.

IV.

Если въ томъ, что бываетъ на стеблѣ пшеницы, овса и ржи, переставить буквы, то получится названіе хищной птицы.

Что это?

V.

Задуманы два слова. Оба они состоятъ изъ однихъ и тѣхъ-же буквъ и изъ одного и того-же количества буквъ. Разница только въ томъ, что третья буква второго слова находится въ первомъ словѣ на первомъ мѣстѣ, а первая буква перваго слова — во второмъ словѣ на третьемъ мѣстѣ. Оба слова означаютъ названіе двухъ женщинъ: одна изъ нихъ — госпожа, а другая — слуга.

Какія слова задуманы?

VI.

Задуманы четыре слова, означающія:

- 1) Надоѣдливое насѣкомое.
- 2) Домашнее рогатое животное.
- 3) Часть скелета позвоночныхъ.
- 4) Убѣжище животнаго, вырытое въ землѣ.

Первая и послѣдняя буквы

Ребусъ № 13.

(Фамиліи подписчиковъ. вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ЭТИХЪ СЛОВЪ ДОЛЖНЫ СОСТАВИТЬ СОБОЮ СЛОГИ. ВСЕГО, СЛѢДОВАТЕЛЬНО, ВЫЙДЕТЬ ЧЕТЫРЕ СЛОГА. СОСТАВИТЬ ИЗЪ ЭТИХЪ СЛОГОВЪ НОВОЕ СЛОВО, ОЗНАЧАЮЩЕЕ ТО, ИЗЪ ЧЕГО СОСТОИТЪ КУШАНЬЕ, ОЧЕНЬ ЛЮБИМОЕ ВЪ ИТАЛІИ.

Какія это слова и какое это кушанье?

VII.

Шуточный вопросъ: Почему корова ложится, когда устанетъ?

(Предл. Е. С. М.).

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 11, помѣщеннаго въ № 11, „Золотого Дѣтства“.

Шуточный вопросъ: I., на башнѣ—шпицъ, а у извожика—такса; (шпицъ и такса—собаки). II., пила, сани, ель, пепель, спина. Задуманное слово—апельсинъ. III., Ниль и иль. IV.,... платина (платина),... оло+во (олово),... се+ребро (серебро),... ста+ль (сталь),... рту+ть (ртуть). V., бумага, улица, комната—малина. VI., я+года=ягода.

Ребусъ № 11. У+о+пушки+на+л+ужь+ку+си+д+ели+дѣв+очки+и+пл+ели+вѣнокъ=Уопушки на лужку сидѣли дѣвочки и плели вѣнокъ.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Алеко и Земфира Фурлано, Валя и Нюся Суховы, Ачико Гокієловъ, Митя Новицкій, Оля Пясецкая, Эрика и Эдгаръ Рейнвальдъ, Евгений Кравцовъ, Ростиславъ Бекверовъ, Вѣра Кулыгина, Соня Сурженко, А. Королевъ, Володя и Вѣрусъ Трипольскіе, Бусивъ Болухеръ и Отточка Шапиро, Нина Суходкая, Нюра, Настя и Катя Ермоловы, Сережа Дементьевъ, Зина Ракитина, Леня и Сережа Алексѣевы, Юля Заякина, Муся Мѣевичъ, Шура и Катя Зубовы, Лида Пржевецкая, Оля Лютеръ, Нина и Вѣра Серебренниковы изъ Хабаровска, Надя Волкова, Володя Калининъ, Коля Финиковъ, Зина Белзецкая, Анатолій Маламудъ, Валя, Мавилка и Ю. Бѣлусовы, Леня и Володя Стефановичъ, Павликъ Шереметевскій, Ника Мостепаненко, Стася и Сережа Старостины, Лилия, Катя и Юра Гумановы, Коля, Дуся и Леша Швинтъ, Сьюта Иванова, Г. Укше и Г. Смирновъ, Коля Крайко, Наталія Прудентова, Кока и Тася Мартыновы, Зоя Полетаева, Галя Стрѣльская, Зина Стрѣльникова, Оля Орловичъ, Григорій Балинъ, Шура и Анатолій Фатѣевы, Валя Вяткина, Сергій Мандрикъ и Александръ Тетеринъ, Шура Соловьевъ, Левъ Бѣлякъ, Катя, Вока и Вѣра Алмазовы, Гея и Боба Запольскіе-Довнаръ, Митя Скарятинъ, Толя Малаховъ.

УКРЫТА ПОДНИСОКА

НА

**художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).**

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей **М. П. Чехова.**

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 **ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ** для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
24 **ПРИЛОЖЕНІЯ** для склеиванія (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

рекомендуетъ слѣдующія книги

для дѣтей:

„ДРУЖОКЪ и ТОМКА“ Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 коп., съ пересылкой 55 коп.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ Съ иллюстраціями, цѣна съ пересылкой 65 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 26.